

М. И. Ростовцев как историк древнего мира

В. К. Хрусталёв (РГПУ им. А.И. Герцена)

1. Научная деятельность Р. характеризуется поразительной многогранностью и разносторонностью. Он занимался исследованиями в области эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, папирологии, археологии и искусствоведения. Однако при всей широте своих научных интересов Р. всегда оставался именно историком, причём историком, изучающим, прежде всего, социально-экономические аспекты жизни древнего мира. Каждую археологическую находку, монету, надпись или папирус он пытался рассмотреть в широком историческом контексте. Например, Р. первым показал возможности использования греческих и римских свинцовых тессер для реконструкции экономической жизни древних (статьи и докторская диссертация). Одним из главных методологических принципов Р. был синтез разных видов исторических источников (литературных, эпиграфических, папирологических, вещественных, нумизматических). Объём археологических данных, которые он привлекал при исследовании проблем социально-экономической истории, и глубина их анализа до сих пор могут служить образцом (несомненное влияние Н. П. Кондакова и кружка «фактопоклонников»).

2. Интерес к эпиграфическим источникам сформировался у Р. ещё в Петербургском университете (занятия в семинариях И. В. Помяловского и И. И. Холодняка). Социально-экономическая история эллинистических государств (в первую очередь, птолемеевского Египта) и Римской империи как главная тема исследований Р., к которой он будет обращаться на протяжении всей своей научной карьеры, наметилась в период заграничной командировки 1895–1898 гг., в которую он отправился после сдачи магистерских экзаменов. Вопросы социально-экономической жизни античного мира Р. всегда рассматривает не изолированно, а в контексте политической истории и истории культуры. Вместе с тем, научное изучение политической истории без полного понимания социальной и экономической структуры соответствующего государства для него немислимо в принципе (рецензия на «Histoire des Séleucides» О. Буше-Леклерка). Р. выступает против чисто описательного подхода при характеристике древних институтов и подчёркивает необходимость изучения их происхождения и эволюции – именно в этом он видит **разницу между историком и антикваром** (см. рецензии на книги В. Либенама о городском управлении в Римской империи и В. Отто о жречестве и храмах в эллинистическом Египте). Можно сказать, что Ростовцева как историка интересуют, прежде всего, **не единичные факты и события, а тенденции и процессы**, разворачивавшиеся в широкой географической и хронологической перспективе. Иногда склонность Р. к широким обобщениям приводит к спорным результатам (статья об иранском конном боге в машинописном сборнике в честь С. А. Жебелёва, 1926 г.).

3. Огромное влияние на становление Р. как историка оказали связи с иностранными, прежде всего немецкими, учёными. Занятия в археолого-эпиграфическом семинаре О. Бормана (один из лучших учеников Моммзена) в Вене зимой 1895/1896 г. побудили Р. обратиться к изучению системы откупов в Римской империи. Результатом этих штудий стала магистерская диссертация (защищена в 1899 г.; немецкое издание 1902 г. посвящено Борману). У. Виламовиц-Мёллендорф поручил Р. подготовить доклад о римском колонате для Третьего международного конгресса историков в Берлине (1908 г.), что вылилось в серию статей Р. об этом институте и, в конечном итоге, в монографию (опубликована в 1910 г.; значительный вклад в редактуру книги внёс У. Вилькен, см. об этом его письма к Р.). В противоположность некоторым своим современникам и коллегам, Р. (как и его учитель Ф. Ф. Зелинский) ещё до эмиграции вполне определённо

ориентировался на европейскую науку об античности и считал русское антиковедение её неотъемлемой частью, а потому полагал необходимым поддерживать постоянные контакты с иностранными учёными и публиковаться за границей на иностранных языках.

4. Принципиальная методологическая позиция Р. – признание необходимости познания прошлого через современность, постоянное сопоставление минувшего и настоящего и сознательный отказ от какой бы то ни было отстранённости исторической науки от современной жизни. Более того: с точки зрения Р., учёный **не сможет понять реалии изучаемой им эпохи, если современность не даёт ему материала для сравнительного анализа**. Отсюда становятся понятны причины ярко выраженной «модернизаторской» тенденции в подходе Р. к древней истории вообще и социально-экономической истории античного Средиземноморья в частности (тесная связь с «циклической» концепцией Э. Мейера). Этим объясняется и интерес Р. к культуре и религии современных ему Индии и Китая, в которых он находил живые параллели с реалиями античного мира. Тем не менее, Р. далёк от крайностей презентизма. В целом его теоретико-методологическая позиция близка к позитивистской, хотя и с некоторыми важными отличиями. Например, она характеризуется скептическим отношением к идеям эволюционизма и поступательного прогрессивного развития человечества, а также нечёткостью используемой терминологии (точное значение многих ключевых для концепции Р. понятий – «буржуазия», «капитализм», «империализм» и др. – в его трудах вообще не объясняется).

5. Неслучайно обращение Р. к истории древнего Северного Причерноморья. Оно было вызвано не только тем, что для русского антиковедения всегда было характерно особое внимание к этому региону. Северное Причерноморье интересовало Р., в первую очередь, как область тесного культурного контакта эллинских переселенцев с местным населением, что привело к сплаву двух культур и образованию своеобразного греко-варварского единства. По Р., этот процесс характерен для эллинистической эпохи в целом, и изучение истории этого региона даёт ему возможность выявить тенденции, общие для всего Средиземноморья. В дальнейшем Р. продолжит разработку темы синтеза эллинства и иранства на материале раскопок Дура-Эвропос (с 1928 г.). Р. отказывается видеть в скифах и сарматах примитивных варваров, что шло в разрез с позицией большинства современных ему учёных (особенно западных) (вероятно, снова влияние Н.П. Кондакова, который не признавал европоцентризма). При этом он несколько преувеличивает уровень развития скифской и сарматской (в терминологии Р., «иранской») культуры. Р. считает возможным говорить об опосредованном влиянии ирано-эллинской культуры Северного Причерноморья на славянские племена.